

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ

М.Вас. ПИМЕНОВА

pimenova-vgpu@yandex.ru

д-р филол. наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
Владимирского государственного
университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
Владимир, Россия

Ключевые слова:

*аксиология, эстетическая
оценка, диахрония,
литературные памятники*

DOI: 10.37632/PI.2020.281.4.002

Статья посвящена диахроническому подходу к изучению аксиологии. Говорится о древнем синкретизме оценки и его постепенном расщеплении в связи с возникновением ценностных различий между внутренним и внешним. Рассматривается языковое выражение эстетической оценки в оригинальных памятниках литературы Древней Руси. Приводятся контексты проповеди, жития, летописи, хождения, «похвалы» празднику, повести, обращения к князю, торжественного «слова», в которых описываются единичные объекты и явления действительности (внешность человека, архитектурные сооружения, церковное убранство, религиозный ритуал, окружающая местность, природные явления), т.е. определяется «Что прекрасно?» (вопрос, поставленный еще в Древней Греции Сократом и Платоном). Подчеркивается необходимость дальнейшего изучения отражения в языке эстетической оценки («красиво» – «безобразно») для демонстрации процесса становления эстетики как науки, отвечающей на второй («парный») философский вопрос античности «Что такое прекрасное?».

1. Введение

Как отмечают исследователи, оценка представляет собой сложное явление, охватывающее «...в языке широкий диапазон единиц, на первый взгляд слабо связанных между собой, которые нелегко объединить в одном описании» [6: 5], чем объясняется многообразие подходов к интерпретации оценочной семантики. В принятых классификациях системы аксиологических значений выделяется сублимированный (абсолютный) тип оценки, основанный на архетипе (норме, образце, примере), на потенциальных требованиях, предъявляемых к объекту оценки, в который включаются эстетические оценки (основанные на синтезе сенсорных и психологических) [3: 75–77; 6: 27].

Специальные лингвистические исследования лексического выражения эстетических оценок на материале немецкого, французского, английского, испанского, китайского, русского и древнерусского языков предпринимали Г. Юзи (1939), О. Духачек (1960), Ю.А. Найда (1975), Т.В. Писанова (1997), Ю.В. Мещерякова (2004), Е.В. Урысон (2004), Ли Хуа (2006), Ю.В. Клинцева (2007), М.Вас. Пименова (2007), Е.В. Мякишева (2009), С.О. Мелевинский и С.А. Ахмадзаи (2018) и др. Имеются работы, связанные с анализом лексики портретных описаний и представлением внешнего облика человека: Г.В. Старикова (1985), В.М. Богуславский (1995), Н.П. Дмитренко (1997), С.В. Овчинникова (2001), Чжан Хун (2007) и т.д.

Диахронический подход к изучению особенностей представления ценности и оценки представлен в серии работ В.В. Колесова «Мир человека в слове Древней Руси»/«Древняя Русь: наследие в слове» (1986, 2000, 2001, 2004, 2011), а также в его фундаментальном труде «Древнерусская цивилизация: наследие в слове» [10].

2. Древний синкретизм оценки

Как известно, термин «эстетика» был введен в научный обиход не ранее XVIII в. [13: 221–222]. С.С. Аверинцев отмечает, что

средневековая мысль обходилась «не только без термина «эстетика», но, что гораздо существеннее, и без самого понятия эстетики» [1: 30]. По мнению исследователей, данная «лакуна» объясняется особенностями средневековой ментальности, которые проявляются в том числе в **семантическом синкретизме** (греч. *συνκρητισμός* – ‘соединение, объединение, связывание’) – в синтезе собственно эстетического с нравственно-духовным и утилитарно-полезным [5: 19–20; 10: 1058–1059; 17: 32]. Так, Л.Н. Столович отмечает синкретизм значения встречающегося в текстах Священного Писания слова *tob*, подразумевающего «...одновременно и прекрасное, и хорошее. Употребляемый в Библии термин *tif, ereth* значит и великолепие, и красу, и блеск, и венец славы...» [28: 13].

В древнерусском языке синкретичными единицами являются «...слова с широким, «универсальным» значением» [27: 56], выражающие нерасчлененную оценку (одновременно и этическую, и эстетическую, и утилитарную и т.п.), например: <+> *благыи, добрыи, льпыи, блаженыи, божьствьныи, преподобьныи, красныи, живыи, большыи, вящии, изящьныи, лучшии, нарочитыи, свѣтлыи, святыи, славныи, лагодьныи, пьрвыи, сулгыи, туннии, унии*; <-> *злыи, лихыи, лютыи, безбожьствьныи, бѣсовьскыи, дѣмоньскыи, вражии, лукавыи, супостатьныи, мурьскыи, чужии/чужди, худыи, тьмьныи, чьрныи, сквьрныи, скарпѣдныи, мьрзѣкыи, паксудьныи, пакостьныи, жестоковыи, грубыи, проказивыи, скьрбьныи, пущи, тачгыи* и др. (а также производные с этими корневыми элементами). Следует отметить, что данные и подобные единицы отличались довольно высокой частотностью. Например, в картотеке «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» содержится по 1500 примеров употребления прилагательных *добрыи* и *злыи*, свыше 1000 – *благыи*, 252 – *красьныи*, 179 – *бѣсовьскыи*, по 105 – *жестоковыи* и *лихыи*, 89 – *вящии*, по 85 – *вражии* и *мьрзѣкыи*, 70 – *нарочитыи*, 61 – *льпыи*, 36 – *пакостьныи* и т.д. [24: I: 220–222, 366–367, 479–480; II: 313; III: 18–22, 251–252, 426–428; IV: 290–292, 409–410, 458–459; V: 95, 185; VI: 343].

Данные лексические единицы в оригинальных и переводных памятниках XI–XIV вв. эксплицируют синкретичную (общую) оценку, например: (Житие Феодосия Печерского) «*Ненавидяи же добра врагъ*»; (Изборник 1076 г.) «*Красьна есть милостини въ врьмя ск<ъ>рби. яко же и облаци дѣждевнии въ время ведръ*» (ὄραϊον); (Лаврентьевская летопись по списку 1377 г.) «(987) *аще бы лихъ законъ Гречьскыи. то не бы баба твоя прияла, Ольга*»; «(1096) *та бо есть мѣлтва всѣ (х) льпши*»; (Огласительные

поучения Феодора Студита) «*идѣте на оученье свое. отверзите очи оумнги свои. и покажите свѣтлость доброты вашей. красоту желанья своего*»; (Хроника Георгия Амартола) «*От корени злаго прозябе плодъ прекрасенъ*»; (Пчела) «*коль красна старьца моудрость и преславна помысленья ихъ*» (ὄραϊα) и т.п. [24: III: 479; IV: 287, 290–291, 409–410, 459].

Необходимо отметить, что под влиянием современного осмысления древнерусские прилагательные общей оценки зачастую неадекватно переводятся на современный русский язык. Например, в тексте договора с греками 945 г. («*елико хрестьянъ от власти нашея плънена приведуть русь, ту аще будеть уноша, или дѣвица добра, да вдаять златникъ 10 и поимуть ѿ*») словосочетание *дѣвица добра* переводится как «девица добрая», т.е. в данном случае утверждается, что прилагательное *добрый* выражает этическую оценку, поскольку современные значения этого слова связаны с морально-нравственными характеристиками, хотя речь должна идти о синкретичном аксиологическом значении. Ср.: «*и избра от ихъ мужи добры, смыслены и храбры*» (перевод – «И выбрал из них мужей добрых...»); «*Нѣсть добр законъ ихъ*» («Не добр закон их») [15: I: 64–65, 92–93, 122–123].

Прилагательному *красный* в диахронии чаще всего приписывается значение эстетической оценки («красивый»), однако в древнерусском языке это слово обладает синкретичным аксиологическим значением («хороший, лучший»), которое находит отражение в терминологических сочетаниях (*красный угол, красное крыльцо, красный двор, красные ворота, красный лес, красный сандал, красный товар, красная кожа, красная рыба, красный день*), в пословицах (*не красна изба углами, а красна пирогами; на миру и смерть красна; бой красен мужеством, а приятель дружеством; на чужой стороне и весна не красна; без обеда не красна беседа; заем платжом красен*), в топонимических названиях (*Красноярск, Красное Село, Красный Холм, Красные ворота, Красная площадь*) [2; 4: 162–173; 9: 85, 88; 18: 311–312; 30: 97]. Современное прилагательное *прекрасный* («очень красивый, очень хороший, отличный»), интенсифицируя положительное качество, сохраняет в своей семантике исходное синкретичное значение.

2. Возникновение ценностных различий

В процессе предопределяющей эволюцию языка смены отдельных форм мышления [17] происходит постепенная трансформация древнего семантического синкретизма, проявляющаяся в экспликации ценностных различий

на уровне образно-чувственных представлений и абстрактно-логических понятий.

Демонстрирует расщепление аксиологического представления, например, дифференциация внешнего облика и внутренней сущности героя русской сказки, русского эпоса. Так, имеющие невзрачную/отталкивающую внешность Иван-дурак, Иван Запечник, «малый, косматый бурушко» Ильи Муромца, «чудище морское, зверь лесной» — обладают «невидимыми для глаза высокими качествами» [22: 387–388].

В русских былинах, лирических песнях, народных заговорах встречаются описания, отражающие народные представления о женской красоте, в которых упоминаются статная фигура, плавная походка, ясные глаза, черные брови, румяное лицо, коса до пояса [5: 35; 21: 132]. Например: «Лицо белое, будто белый снег, щечки будто маков цвет, походочка у ней павиная, речь то у нее лебединая» [22: 382]; «У ней походка павиная, тиха речь лебединая, ...Брови — черного соболя, Очи — ясного сокола» [31: 85]; «[имя рек] сохла бы сухотою, чахла бы чахотою душой, черными бровями, ясными очами» [23: Зоб.]. К народным «словесным портретам» исследователи относят также описание богатырского снаряжения, одежды, жилища в связи с эстетизацией богатства, роскоши, искусных украшений, драгоценных металлов, которыми наделяется носитель силы [5: 29–34]. В былинных текстах отрицается возможность эквивалентной замены одной вещи на другую, поэтому эпические артефакты описываются как обладающие астрономической стоимостью или бесценные, например: «По коленото у Апраксии наряжены ноги в золоте, А по локоть-то руки в скатном жемчуге, на груди у Апраксии камень и цены ему нет» [26: 190].

С переходом от язычества к христианству дискретизация семантического синкретизма детерминируется мировоззрением, поскольку новая религия четко разграничивала мир материальный и мир духовный, душу и тело, «внешнего человека» и «внутреннего человека», «очи телесные» и «очи сердечные/умные» [25: 64]. Например: «Стоупивъ въ дъври цркъвныя. помысли сама врата нбсная прошьдъ. и ту глѣвъ вьсь чясъ таиньи. съ дивѣмъ и съ страхѣмъ стои. съмотря бываемы ихъ съ вгрюю. тгльсьнымима очима и дшевнымима» [8: 259–260]; «Молю вы, братье, кождо васъ: внидите в помыслы ваша, оузрите сердечными очима дгъла ваша, — възненавидѣте их и отверзете я, к покаянью притецѣте» [15: III: 444]; «Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя и', и паде мертвъ, и людье разидошася. Он же погыбе тгльомъ, и душою предавъся дьяволу» [15: I: 194]; «Тгльмъ вьсь съ вьгьмъ въздържаниемъ душою съмгряаше,

тгльо же пакы трудѣмъ и подвизаниемъ дручааше» [15: I: 308, 318].

В XVII–XVIII вв. завершается осознание ценностного различия разных сфер человеческой жизни и в связи с этим окончательное (на уровне абстрактно-логического понятия) расчленение синкретизма оценочной семантики, что приводит к формированию и поляризации разнообразных теоретических концепций, принадлежащих протопопу Аввакуму (1620/21–1682), Симеону Полоцкому (1629–1680), Николаю Спафарию (1636–1708), к возникновению трактатов, посвященных изобразительному искусству («Об иконном писании» Аввакума, «Слово к люботщательному иконного писания» Симона Ушакова и Кариона Истомина, записка Симона Полоцкого об иконописании, грамота трех патриархов 1668 г.), к распространению разнообразных практических руководств, регламентирующих изображение святых ликов (иконописных подлинников) и др. [12: 7–23; 28: 270].

3. Языковое выражение эстетической оценки

Рассмотрим, как происходило постепенное становление эстетики через языковое выражение эстетических представлений и эстетической оценки в оригинальных памятниках письменности Древней Руси. Под **эстетической оценкой** мы понимаем *отношение субъекта оценки* (положительное/отрицательное/нулевое) к *объективной ценности*, воспринимаемое как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в ту или иную эпоху национального представления о красоте-безобразии в рамках «картины мира» данного социума [19: 3].

3.1. «Слово о Законе и Благодати» Илариона (XI в.)

Самое раннее выражение собственно эстетических представлений фиксируется в проповеди

Мозаика Софийского собора в Киеве, 1-я пол. XI в.

выдающегося ритора Древней Руси XI в. – митрополита Илариона. В тексте «Слова о Законе и Благодати» Иларион восхваляет возведенный при Ярославе Мудром Софийский собор: «Иже недокончаная твоя наконьча, аки Соломонъ Давыдова, иже дом божию великыи святыи его Премудрости създа на святость и освящение граду твоему, юже съ всякою красотою украси златомъ и серебромъ, и камениемъ драгимъ, и съсуды честнымими...» [15: XII: 585]. Кроме того, Иларион, обращаясь к памяти великого князя Владимира Святославича, представляет христианизированную им Русь как эстетически совершенный образ: «Въстани, о честная главо, от гроба твоего, въстани, оттряси сонъ <...> Виждь же и градъ, величествомъ сияющъ, виждь церкви цветущи, виждь христианство растуще, виждь град, иконами святыихъ освещаемъ и блистающа, и тимьяномъ обучаемъ, и хвалами божественными и пѣнии святыми оглашаемъ. И си вся видѣвъ, възрадуися и възвеселися, и похвали благаго Бога, всемъ симъ строителя» [15: XII: 594–595].

3.2. «Житие Бориса и Глеба» (сер. XI в.)

В житии Бориса и Глеба середины XI в. («Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба») представлено одно из самых развернутых описаний внешности в древнерусской литературе, которое в основной редакции выделено в отдельную статью «О Борисъ, какъ

Икона «Борис и Глеб», нач. XIV в.

Миниатюра Радзивилловской летописи кон. XV в. Присутствие посланцев Руси в одной из церквей Царьграда на богослужении, изумившем их красотой обрядов и пения (987 г.)

бъ възъръм»: «Тѣлѣмъ бяше красенъ, высокъ, лицѣмъ круглѣмъ, плечи величь, тѣнѣкъ въ чресла, очима добраама, веселъ лицѣмъ, рода мала и усъ младъ бо бѣ еще, свѣтяся цесарьскы, крѣпѣкъ тѣлѣмъ, въсячьскы украшенъ аки цвѣтъ цвѣтны въ уности своеи, в ратѣхъ хрѣбъръ, въ свѣтлѣхъ мудръ и разумъ при всемъ и благодать божию цвѣтяше на немъ» [15: I: 302]. Следует обратить внимание на то, что в этом житийном тексте отсутствует описание внешности второго члена «двоицы» (Глеб), что объясняется, как полагают исследователи, символикой «двоичного единства», по которой Борис – ветхозаветный овен, а Глеб – новозаветный агнец, Борис – Иосиф Прекрасный, а Глеб – Давид, Борис – «человек внешний», «человек земной», а Глеб – «человек внутренний», «человек небесный», «человек благодатный» [7: 94–95; 11: 104].

3.3. «Повесть временных лет» (кон. XI – нач. XII в.)

В «Повести временных лет», древнейшей русской летописи кон. XI – нач. XII в., фиксируются содержащие представление об эстетическом идеале описания внешности человека, однако они относительно скупы и «...буквально тонут в многочисленном изображении моральных совершенств героя» [14: 191–192]. Например: «Бѣ же Василко лице (м) красенъ. очима свѣтелъ и грозенъ. хо[ро]бръ паче мѣры на ловь (х). ср(д)цель лего(к). до бояръ ласковъ. никто же бо от бояръ кто ему служилъ. и хлѣбъ его пѣлъ. и чаши пилъ и дары ималъ. тотъ никако(ж) оу иного князя можаше быти за любовь его излише же слугы свои любляше. мужество же и оу(м) в не(м) живяше. правда же и истина с ни(м) ходяста. бѣ бо всему хытръ и гораздо умъя. и поспѣтъ в добродѣнству на отни столтъ и дѣдни» [15: I: 180] и под.

Рукопись «Хождения игумена Даниила», список 1-й пол. XVII в.

В летописном сюжете об «Испытании вер» определение ценности различных ветвей религии осуществляется послами великого князя Владимира с «внешней» (эстетической) точки зрения («нелепой», как отмечают историки, для определения истинной сущности религии [20: 22]), что свидетельствует о расчленении древнего аксиологического синкретизма: «Ходихом въ болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмъ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядитъ съмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрадъ великъ ...И придохомъ в нѣмци, и видѣхомъ въ храмъх мнози службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служатъ богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты такая, и недоумгемъ бо сказати; токмо то въмы, яко онъ дѣ богъ с человекъ пребываетъ, и есть служба их паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты той, всякъ бо человекъ, аще вкусить сладка, послѣди горести не принимаетъ, тако и мы не имамъ сде бытии» [15: I: 122–124].

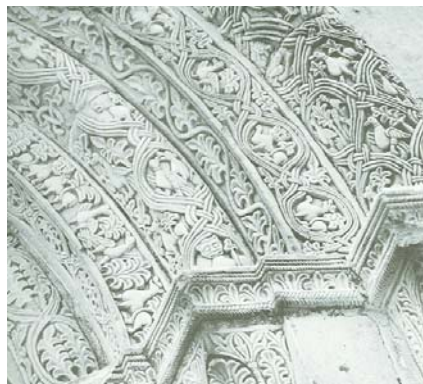
Кроме того, в «Повести временных лет» присутствуют особые описания, связанные с так называемой «эстетикой смерти», т.е. с описанием тела умершего. Например: «Открывши гробъ и видѣша тѣло его цѣло и бѣло. и блгоухание от гроба бысть. и воня подобна арапат многоцѣнныхъ» [15: I: 178]. Как известно, канонизация праведника осуществлялась после его смерти, причем основным аргументом в пользу чей-либо святости являлась сохранность тела умершего. В.Н. Топоров пишет «... об афонской практике выкапывать через 3–4 года после смерти кости, чтобы удостовериться, не испускают ли они благоухания, которое истолковывают как желание Бога прославить нового святого» [32: 560].

3.4. «Хождение игумена Даниила» (нач. XII в.)

В памятнике паломнической литературы Древней Руси начала XII в. – «Житие и хождение Данила, Русьскыя земли игумена» – содержится красочное с эстетической точки зрения описание природы Палестины, где игумен одного из черниговских монастырей Даниил провел около двух лет: «И нынѣ по истиннѣ есть земля та богомъ обѣтованна и благословена есть отъ Бога въсѣм добром: пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощом обилна есть зѣло, и скотом умножена есть; и овци бо и скоти дважды ражаются лѣтом; и печелами увязло ту есть, въ камени по горамъ тѣмъ краснымъ; сущъ же и виногради мнози о пригоремъ тѣмъ, и дресева много овощнаа стоятъ бес числа, масличие, смокви, и рожцы, и яблони, и черешни, инородия, и всякий овощъ ту есть; и есть овощетъ лучи и болии всѣхъ овощей, сущих на земли под небесемъ, нѣсть такого овоща нигде же. И воды добры сущъ в мѣсте том, и всѣмъ здрави, и есть мѣсто то и красотою и всѣмъ добром. Несказанна есть земля та около Феврона! <...> Град-от Самария стоитъ межю двѣма горама высокими, источници водни мнози студени посредѣ града того текутъ красно, и дресева овощная бе-числа ту сущъ всяка: смокви, орѣшье и рожцы, масличие, яко дубравы, яко льси сущъ по всей земли той около Самаря; по краемъ нивы многоплодовиты сущъ по полемъ тѣмъ; и есть земля та около Самария красна и чюдна зѣло. И есть мѣсто то обильно всѣм добром, маслом и вином, пшеницею и овощомъ, и, просто рещ, оттуда есть живѣ Иерусаимъ всѣмъ добром» [15: II: 70, 84–86].

3.5. «Слово на антипасху» Кирилла Туровского (2-я пол. XII в.)

В выдающемся памятнике красноречия второй половины XII в. – «Слове в новую

Изображения зверей, птиц, растений на фасаде Дмитриевского собора, кон. XII в.

неделю по пасху – о Фомине испытании ребр Господень» («Слово на антипасху») Кирилла Туровского (ок. 1130–1182 гг.), почитавшегося на Руси как второй Златоуст, – фиксируется обширное символическое описание весны, основанное на переводных проповедях Григория Богослова (Назианзина) «Слово на неделю новую, на весну и на память мученика Маманта» и Иоанна Дамаскина «Слово на рождество Христово». «Днесь весна красується, оживляючи земное естество, и бурнии вѣтри тихо повѣвающе плоды гобзують, и земля съмена питаючи зеленую траву ражаєть <...> Нынѣ новоражаєми агньци и уньци быстро путь перуще скачють и скоро к матеремъ възращающе веселятсѣ, да и пастыри свряюще веселиємъ Христа хвалѣть <...> Нынѣ дрѣва лѣторасли испуцають, и цвѣты благоуханя процвѣтають, и се уже огради сладку подавають воню, и дѣлатели с надежею тружающеся плододавца Христа призываютъ <...> Бѣгомъ бо преже аки древа дубравная неимуци плода, нынѣ же присадисѣ Христова вѣра в нашемъ невѣрѣ, и уже держащеся корене Иосѣва, яко цвѣти добродѣтели пуцающе, райскаго паки жития о Христѣ ожидаютъ, да и святители о церкви тружающеся от Христа мѣзды ожидаютъ. Нынѣ ратаи слова словесныя оуница къ духовному ярму приводяще и крестное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и съмя духовное встѣвающе, надеждами будущихъ благъ веселятсѣ» [33: 416–416] и т.д.

3.6. «Слово о полку Игореве» (кон. XII в.)

Говоря о репертуаре древнейших памятников, связанных с эстетическими представлениями, нельзя не сказать об одном из самых известных текстов Древней Руси – принадлежащем неизвестному автору «Слове о полку Игореве», датированном концом XII в. (между 1185 и 1190 гг.). Отражение в «Слове»

«Золотое слово Святослава» в «Слове о полку Игореве», ил. В. Семенова, 1971 г.

эстетических средневековых представлений может стать темой отдельного исследования, поэтому в рамках данной статьи остановимся только на одном аспекте – цветовой «окрашенности» «Слова о полку Игореве», что отличает его от абсолютного большинства древнерусских текстов, которые, как пишет А.М. Панченко, «полностью или почти полностью» лишены цвета [16: 3].

Исследователи (А.Н. Веселовский, А.А. Потебня, П.Д. Первов, В.В. Колесов и др.) подчеркивают, что основой средневекового зрительного восприятия был свет, вернее, противопоставление света тьме. В.П. Адрианова-Перетц связывает это противопоставление с христианской символикой, а А.М. Панченко уточняет, что в данном случае христианство основывалось на древнейшей метафоре, «поскольку и для первобытного человека восход солнца означал нечто радостное, в то время как наступление ночной тьмы представлялось зловещим и губительным» [16: 11]. Обозначения цвета в «Слове» выступают в качестве эстетически «светлых»/мелиоративных или «темных»/пейоративных характеристик человека, предмета, явления природы: <+> багряный, белый, жемчужный, зеленый, золотой, серебряный; <-> червлёный, кровавый, синий, черный. Например, в эпизоде сна Святослава присутствуют «темные» обозначения цвета: «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, – рече, – чръною паполомоу на кровати тисовъ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпахуть ми тѣщици тулы поганыхъ тльковинъ великии женчюгъ на лоно и нѣгуютъ мя». В «Золотом слове Святослава» сконцентрирован эпитет золотой: златые шеломы, злат стол, злато ожерелие, злато стремя. Эпизод бегства Игоря из плена сопровождается постепенным переходом от тьмы к свету: «Прысну море полунощи; идутъ сморци мѣглами ...Погасоша вечеру зори... солови веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ ...Солнце светитсѣ на небесъ – Игорь князь въ Руской земли ...Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влѣгахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ серебряныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнию зелену древу» [15: II: 372–387].

3.7. «Моление Даниила Заточника» (XII–XIII вв.)

Пожалуй, неменьший интерес исследователей, чем неизвестный автор «Слова о полку Игореве», вызывает Даниил Заточник, которому приписываются два выдающихся памятника древнерусской книжности XII–XIII вв. – «Слово» и «Моление». Как указывает Д.С. Лихачев, в «Молении Даниила Заточника» изображение внешности человека

Рукопись «Моления Даниила Заточника», список XVI в.

превращается в своеобразную идеограмму, по которой ланиты князя – сосуд с ароматом, гортань – крин (сосуд, горшок), вид подобен ливану избранному (князь сравнивается с благовонием), очи – источник живой воды, чрево – стог пшеницы, выя подобна шее коня, украшенного ожерельем и под. [11: 179–189]: «Княже мой, господине! Яви мне зрак лица твоего, яко глас твой сладок, и уста твоя мед источают, и образ твой красен; послания твоя, яко рай с плодом, руце твои исполнены, яко от злата аравийска, ланиты твоя, яко сосуд ароматы, гортан твои, яко крин, капля миро, милость твою; вид твои, яко ливан

Панорама церкви Покрова на Нерли, сер. XII в.

избран; очи твои, яко источник воды живы; чрево твое, яко стог пшеничен, иже многи напिताя; глава твоя превозносит главу мою, и бысть выя в бусте, яко фарсис в монисте» [15: II: 52].

3.8. «Слово о погибели Рускыя земли» (XIII в.)

Представление памятников книжности «эстетической» проблематики было бы неполным без близкого к «Слову о полку Игореве» «Слова о погибели Рускыя земли», написанного неизвестным автором южнорусского происхождения в Северо-Восточной Руси в период с 1238 по 1248 г. и представляющего собой отрывок не сохранившегося полностью произведения, дошедшего до нас всего в двух списках XV и XV вв. как введение к первой редакции «Жития Александра Невского».

В тексте «Слова о погибели» содержится яркое описание красоты, богатства, величия и могущества Русской земли, восходящее к философскому размышлению о мудрости божественного мироустройства в «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского: «О, свѣтло свѣтлая украсо украсена земля Руская! И многыми красотами удивлена еси, озерами многыми удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестыными, горами, крутыми холми, высокыми дубовоми, чистыми полми, дивными звѣрьми, различными птицами, бещислеными города великыми, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси исполньна земля Руская, о правопѣрная вѣра хрестияньская!» [15: III: 130].

4. Заключение

В древнерусских литературных памятниках различных жанров эстетические представления / эстетическая оценка содержатся в виде описаний единичных предметов и явлений действительности (внешности человека, архитектурных сооружений, церковного убранства, религиозного ритуала, окружающей местности, природных явлений и т.п.), т.е. определяется «Что прекрасно?» (вопрос, поставленный еще в Древней Греции Сократом и Платоном) [29: 15]. Дальнейшее изучение «эстетического» репертуара Средневековья позволит наглядно представить не только процесс формирования обобщенных эстетических понятий (идеала прекрасного) и эстетики как науки, отвечающей на второй («парный») философский вопрос Сократа и Платона «Что такое прекрасное?», но и, кроме того, – общий процесс становления и отражения в языке эстетической картины мира. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. Андреева-Васина Н.И. Прилагательное *красный* в русских народных говорах (материалы к характеристике функционирования слова) // Диалектная лексика / Под ред. Ф.П. Сороколетова. Л., 1978.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
4. Бахилина Н.В. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
5. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. 2-е изд. М., 1995.
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
7. Жолобов О.Ф. Двойственное число и отношения двоичности в древнерусском тексте (на материале сказания о Борисе и Глебе) // Русский язык донационального периода / Под ред. В.В. Колесова, О.А. Черепановой. СПб., 1993.
8. Изборник 1076 г. / Подгот. текста В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровиной, В.Г. Демьянова, Г.Ф. Нефедова / Под ред. С.И. Коткова. М., 1965.
9. Иссерлин Е.М. История слова *красный* // Русский язык в школе. 1951. № 3.
10. Колесов В.В. Древнерусская цивилизация: наследие в слове. М., 2014.
11. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
12. Матхаузерова Св. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.
13. Матюшенко З.Г. Баумгартен // Новая философская энциклопедия / Институт философии РАН: В 4 т. Т. 1. М., 2000.
14. Никольская А.Б. К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А.С. Орлова. Л., 1934.
15. Памятники литературы Древней Руси / Под ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева: В 12 т. М., 1979–1994.
16. Панченко А.М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1968. Т. XXIII.
17. Пименова М.Вас. Динамика отражения в языке русской ментальности // Русский язык за рубежом. 2018. № 3 (268).
18. Пименова М.Вас. *Красный* как политический символ // Политика в зеркале языка и культуры: К 65-летию А.П. Чудинова. М., 2010.
19. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007.
20. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.
21. Пропп В.Я. Русский героический эпос. Л., 1955.
22. Пропп В.Я. Язык былин как средство художественной изобразительности // Ученые записки ЛГУ. Серия: Филологические науки 1954. Вып. 20 (№ 173).
23. Сборник заговоров XIX в. РНБ. О.ХVII.46. 47 л.
24. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–2016. Т. I–XI.
25. Смирнов И.П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // Wiener Slawistischer Almanach. Т. 28. Wien. 1991.
26. Смирнов И.П. Эпическая метонимия // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXIII. Л., 1979.
27. Смирнова О.И. Один случай энантиосемии // Лексикология и словообразование древнерусского языка / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1966.
28. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994.
29. Столович Л.Н. Философия красоты. М., 1978.
30. Суровцева М.А. Развитие цветового значения слова *красный* // Русский язык в школе. 1970. № 3.
31. Тихонов С.Е. Прямая речь как языковая форма реализации повествования и описания в русской народной лирической песне // Язык русского фольклора / Под ред. З.К. Тарланова. Петрозаводск, 1985.
32. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995.
33. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. (Пушкинский Дом). Т. XIII. М.; Л., 1957.
34. Флоренский П.А. Собрание сочинений. Т. 4. Столп и утверждение истины / Под ред. Н.А. Струве. Париж, 1989.

References

1. Averincev S.S. Poe'tika rannevizantijskoj literatury'. М., 1977.
2. Andreeva-Vasina N.I. Prilagatel'noe *krasnyj* v russkix narodny'x govorax (materialy' k karakteristike funkcionirovaniya slova) // Dialektnaya leksika / Pod red. F.P. Sorokoletova. L., 1978.
3. Arutyunova N.D. Tipy' yazy'kovy'x znachenij: Ocenka. Soby'tie. Fakt. М., 1988.
4. Baxilina N.B. Istoriya czvetooboznachenij v russkom yazy'ke. М., 1975.
5. By'chkov V.V. Russkaya srednevekovaya e'stetika XI–XVII vv. 2-e izd. М., 1995.

6. Vol'f E.M. Funkcional'naya semantika ocenki. M., 1985.
7. Zholobov O.F. Dvoystvennoe chislo i otnosheniya dvoichnosti v drevnerusskom tekste (na materiale skazaniya o Borise i Glebe) // Russkij yazyk donacional'nogo perioda / Pod red. V.V. Kolesova, O.A. Cherepanovoj. SPb., 1993.
8. Izbornik 1076 g. / Podgot. teksta V.S. Goly'shenko, V.F. Dubrovinoj, V.G. Dem'yanova, G.F. Nefedova / Pod red. S.I. Kotkova. M., 1965.
9. Isserlin E.M. Istoriya slova *krasnyj* // Russkij yazyk v shkole. 1951. № 3.
10. Kolesov V.V. Drevnerusskaya civilizaciya: nasledie v slove. M., 2014.
11. Lixachev D.S. Poe'tika drevnerusskoj literatury'. L., 1967.
12. Matxauzerova Sv. Drevnerusskie teorii iskusstva slova. Praga, 1976.
13. Matyushenko Z.G. Baumgarten // Novaya filosofskaya e'nciklopediya / Institut filosofii RAN: V 4 t. T.1. M., 2000.
14. Nikol'skaya A.B. K voprosu o «slovesnom portrete» v drevnerusskoj literature // Sbornik statei k 40-letiyu uchenoj deyatel'nosti A.S. Orlova. L., 1934.
15. Pamyatniki literatury' Drevnej Rusi / Pod red. L.A. Dmitrieva i D.S. Lixacheva: V 12 t. M., 1979–1994.
16. Panchenko A.M. O cvete v drevnej literature vostochnyx i yuzhnyx slavyan // Trudy' otdela drevnerusskoj literatury'. L., 1968. T. XXIII.
17. Pimenova M.Vas. Dinamika otrazheniya v yazy'ke russkoj mental'nosti // Russkij yazyk za rubezhom. 2018. № 3 (268).
18. Pimenova M.Vas. *Krasnyj* kak politicheskij simvol // Politika v zerkale yazy'ka i kul'tury': K 65-letiyu A.P. Chudinova. M., 2010.
19. Pimenova M.Vas. *Krasotoyu ukrasi*: vy'razhenie e'stetcheskoj ocenki v drevnerusskom tekste. SPb.; Vladimir, 2007.
20. Priselkov M.D. Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. L., 1940.
21. Propp V.Ya. Russkij geroicheskij e'pos. L., 1955.
22. Propp V.Ya. Yazyk by'lin kak sredstvo xudozhestvennoj izobrazitel'nosti // Uchenye zapiski LGU. Ser. filol. nauk. 1954. Vy'p. 20 (№ 173).
23. Sbornik zagovorov XIX v. RNB. O.XVII.46. 47 l.
24. Slovar' drevnerusskogo yazy'ka (XI–XIV vv.). M., 1988–2016. T. I–XI.
25. Smirnov I.P. O drevnerusskoj kul'ture, russkoj nacional'noj specifikе i logike istorii // Wiener Slawistischer Almanach. T. 28. Wien. 1991.
26. Smirnov I.P. E'picheskaya metonimiya // Trudy' otdela drevnerusskoj literatury'. T. XXXIII. L., 1979.
27. Smirnova O.I. Odin sluchaj e'nantioseмии // Leksikologiya i slovoobrazovanie drevnerusskogo yazy'ka / Pod red. R.I. Avanesova. M., 1966.
28. Stolovich L.N. Krasota. Dobro. Istina: Oчерk istorii e'stetcheskoj aksiologii. M., 1994.
29. Stolovich L.N. Filosofiya krasoty'. M., 1978.
30. Surovceva M.A. Razvitie cvetovogo znacheniya slova *krasnyj* // Russkij yazyk v shkole. 1970. № 3.
31. Tixonov S.E. Pryamaya rech' kak yazy'kovaya forma realizacii povestvovaniya i opisaniya v russkoj narodnoj liricheskoj pesne // Yazyk russkogo fol'klora / Pod red. Z.K. Tarlanova. Petrozavodsk, 1985.
32. Toporov V.N. Svyatost' i svyaty'e v russkoj duxovnoj kul'ture. T. I. Pervyj vek xristianstva na Rusi. M., 1995.
33. Trudy' otdela drevnerusskoj literatury' Instituta russkoj literatury' RAN. (Pushkinskij Dom). T. XIII. M.; L., 1957.
34. Florenskij P.A. Sobraenie sochinenij. T. 4. Stolp i utverzhdenie istiny' / Pod red. N.A. Struve. Parizh, 1989.

M.Vas. Pimenova

Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir state University
Vladimir, Russia

AESTHETIC EVALUATION IN OLD RUSSIAN LITERARY MONUMENTS

Axiology, aesthetic evaluation, diachrony, literary monuments.

The article is devoted to the diachronic approach to the study of axiology. It is said about the ancient syncretism of evaluation and its gradual splitting due to the emergence of value differences between internal and external. The article considers the language expression of aesthetic evaluation in the original monuments of literature of Ancient Russia. The context of a sermon, a life, a chronicle, a walk, a «praise» for a holiday, a story, an address to the Prince, a solemn «word», which describes individual objects and phenomena of reality (human appearance, architectural structures, Church decoration, religious ritual, the surrounding area, natural phenomena), that is, defines «What is beautiful?» (a question posed in Ancient Greece by Socrates and Plato). The article emphasizes the need to further study the reflection of aesthetic evaluation in the language ('beautiful' – 'ugly') to demonstrate the process of formation of aesthetics as a science that answers the second («paired») philosophical question of antiquity «What is beautiful?».